АЗБУКА ВЕРЫ

А.В. Амфитеатров

Н.С. Гумилев

Художественная литература · azbyka.ru

Н.С. Гумилев – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/gumilev

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Н.С. Гумилев

А.В. Амфитеатров

Деятели советской революции любят сравнивать свою сокрушительную работу с Великой французской революцией, хотя, конечно, не забывают прибавить при этом: мы, нынешние, много превосходнее! Надо отдать им справедливость: отчасти они правы. Если в их активе нет вдохновенных и могучих Мирабо, Дантонов, Демуленов, то злобными Маратиками, бесстыжими Гебериками и холодно жестокими фанатиками Робеспьерова толка — хоть пруд пруди. По числу жертв русская революция-пародия тоже давно превзошла свою грозную предшественницу. Она не воздвигала гильотины, но ее расстрелы имели своих Лавуазье и Кондорсе, а уж сколько таковых уморено голодом и холодом — это и подсчету не поддается. Для совершенства пародии коммунистам недоставало только Андре Шенье. Трагическая смерть Александра Блока лишь отчасти заполнила этот серьезный пробел, потому что, хотя наш дорогой поэт умер от болезни сердца, развившейся в результате голодной цинги, но все же не в тюрьме и не "у стенки". Прожил бы подольше — дождался бы. Потому что его короткое увлечение вихрем коммунистической революции в 1917 году и в начале 1918-го, неосторожными плодами которого явились пресловутые "Двенадцать" и "Каталина", быстро прошло и мало-помалу переродилось в ужас и отвращение. Одною из причин тяжкого психологического расстройства, в котором провел он последние недели страдальческой жизни, было именно раскаяние в "Двенадцати": он беспрестанно говорил о том и в светлые промежутки, и в бреду. Перед смертью он потребовал, чтобы были уничтожены все его рукописи. Супруге его, Любови Дмитриевне, удалось спасти только наброски первых его юношеских начинаний. Он завещал не принимать никакой услуги от окровавленного мучителя-Смольного, и воля его была исполнена. Сколько лжепролетарское государство ни старалось примазаться к священной памяти поэта — не удалось ему. Блока похоронили за свой счет литературные организации, они же водружают памятную доску на доме, где он умер, памятник на могиле ставит семья. Все правительственные предложения по этим услугам были вежливо, но решительно отклонены.

Теперь, к глубокому сожалению, пустое место кровавой пародии заполнено. Русская революция получила своего Андре Шенье. Русская поэзия опять облеклась в траур. Расстрелян Николай Степанович Гумилев.

Когда его, месяц тому назад, арестовали, никто в петроградских литературных кругах не мог угадать, что сей сон означает. Потому что не было в них писателя, более далекого от политики, чем этот цельный и самый выразительный жрец "искусства для искусства". Гумилев и почитал себя, и был поэтом не только по призванию, но и, так сказать, по званию. Когда его спрашивали незнакомые люди, кто он таков, он отвечал — "я поэт", — с такою же простотою и уверенностью обычности, как иной обыватель скажет — "я потомственный почетный гражданин", "я присяжный поверенный", "я офицер" и т.п. Да он даже и в списках смертников "Правды" обозначен как "Гумилев, поэт". Поэзия была для него не случайным вдохновением, украшающим большую или меньшую часть жизни, но всем ее существом; поэтическая мысль и чувство переплетались в нем, как в древнегерманском мейстерзингере, с стихотворским ремеслом, — и недаром же одно из основанных им поэтических товариществ носило имя-девиз "Цех поэтов". Он был именно цеховой поэт, то есть поэт, и только поэт, сознательно и умышленно ограничивший себя рамками стихотворного ритма и рифмы. Он даже не любил, чтобы его называли "писателем", "литератором", резко отделяя "поэта" от этих определений в особый, магически очерченный, круг, возвышенный над миром наподобие как бы некоего амвона. Еще не так давно мы — я и он, — всегда очень дружелюбные между собою, довольно

резко поспорили об этом разделении в комитете Дома литераторов, членами которого мы оба были, по поводу непременного желания Гумилева ввести в экспертную комиссию этого учреждения специального делегата от Союза поэтов, что мне казалось излишним. А однажды — на мой вопрос, читал ли он, не помню уж какой, роман, — Николай Степанович совершенно серьезно возразил, что он никогда не читает беллетристики, потому что если идея истинно художественна, то она может и должна быть выражена только стихом… Он был всегда серьезен, очень серьезен, жречески важный стихотворец-гиерофант. Он писал свои стихи, как будто возносил на алтарь дымящуюся благоуханием жертву богам, и вот уж кто истинно то мог и имел право сказать о себе:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв…

Всем своим внутренним обликом (в наружности между ними не было решительно ничего общего) Гумилев живо напоминал мне первого поэта, которого я, еще ребенком, встретил на жизненном пути своем: безулыбочного священнодейца Ап. Ник. Майкова… Другие мотивы и формы, но то же мастерство, та же строгая размеренность вдохновения, та же рассудочность средств и, при совершенном изяществе, некоторый творческий холод… Как Майков, так и Гумилев принадлежали к типу благородных, аристократических поэтов, неохотно спускавшихся с неба на землю, упорно стоявших за свою привилегию говорить глаголом богов. Пушкин рассказывает о ком-то из своих сверстников, что тот гордо хвалился: "В стихах моих может найтись бессмыслица, но проза — никогда!" Я думаю, что Гумилев охотно подписался бы под этою характеристикою.

Арест человека, столь исключительно замкнутого в своем искусстве, возбудил в недоумевающем обществе самые разнообразные толки. Тогда шла перерегистрация военных "спецов" — думали, что Гумилев попал в беду как бывший офицер, который скрывал свое звание. Другие полагали, что он арестован как председатель Клуба поэтов за несоблюдение каких-то формальностей при открытии этого довольно странного учреждения, принявшего к тому же несколько слишком резвый характер. Принадлежности поэта к какому-нибудь заговору никто не воображал. Не верю я в нее и теперь, когда он расстрелян, как будто бы участник заговора. И не верю не только потому, что быть политическим заговорщиком было не в натуре Гумилева, но и потому, что скажу откровенно: если бы Гумилев был в заговоре, я знал бы об этом. Сдержанный и даже скрытный вообще, он был очень откровенен со мною именно в политических разговорах по душам, которые мы часто вели, шагая вдвоем по Моховой, Симеоновской, Караванной, Невскому, сокрушаясь стыдом и горем, что умирающему Петрограду недостает сил, энергии, героизма, чтобы разрушить постылый "существующий строй"…

Мы не были политическими единомышленниками. Напротив. Мой демократический республиканизм был ему не по душе. Как-то раз я, шутя, напомнил ему, что Платон в своей идеальной утопии государства советовал изгнать поэтов из республики. "Да поэты и сами не пошли бы к нему в республику", — гордо возразил Гумилев. Он был монархист — и крепкий. Не крикливый, но и нисколько не скрывающийся. В последней книжке своих стихов, вышедшей уже под советским страхом, он не усумнился напечатать маленькую поэму о том, как он, путешествуя в Африке, посетил пророка-полубога "Махди" и —

Я ему подарил пистолет
И портрет моего Государя…

На этом, должно быть, и споткнулся он, уже будучи под арестом. Что арестовали его не как заговорщика, тем более опасного, важного, достойного расстрела, есть прямое доказательство. Депутация профессионального Союза писателей недели через две после ареста отправилась хлопотать за Гумилева. Председатель Чрезвычайки не только не мог ответить, за что взят Гумилев, но даже оказался не знающим, кто он такой...

— Да чем он, собственно, занимается ваш Гумилевич?

— Не Гумилевич, а Гумилев...

— Ну?

— Он поэт...

— Ага? значит, писатель... Не слыхал... Зайдите через недельку, мы наведем справки...

— Да за что же он арестован-то? Подумал и... объяснил:

— Видите ли, так как теперь, за свободою торговли, причина спекуляции исключается, то, вероятно, господин Гумилевич взят за какое-нибудь должностное преступление...

Депутации оставалось лишь дико уставиться на глубокомысленного чекиста изумленными глазами: Гумилев нигде не служил, — какое же за ним могло быть "должностное преступление"? Аполлону, что ли, дерзостей наговорил на Парнасе?

Над удивительным свиданием и разговором этим мы много смеялись в Петрограде, никак не предчувствуя, что смех будет прерван пулями и кровью...

По всей вероятности, Гумилеву на допросе, как водится у следователей ЧК, был поставлен названный вопрос о политических убеждениях. Отвильнуть от подобного вопроса каким-нибудь спасительным обиняком не составляет большой хитрости, но Гумилев был слишком прямолинеен для фехтования обиняками. В обществе товарищей республиканцев, демократов и социалистов он, без страха за свою репутацию, заявлял себя монархистом (хотя очень не любил Николая II и все последнее поколение павшей династии). В обществе товарищей атеистов и вольнодумцев, не смущаясь насмешливыми улыбками, крестился на церкви и носил на груди большой крест-тельник. Если же на допросе следователь сумел задеть его самолюбие, оскорбить его тоном или грубым выражением, на что эти господа великие мастера, то можно быть уверенным, что Николай Степанович тотчас же ответил ему по заслуге — с тою мнимо холодною, уничтожающею надменностью, которая всегда проявлялась в нем при враждебных столкновениях, родня его, как некий анахронизм, с дуэлистами-бретерами "доброго старого времени". И как офицер, и как путешественник, он был человек большой храбрости и присутствия духа, закаленных и в ужасах великой войны, и в диких авантюрах сказочных африканских пустынь. Ну, а в чрезвычайках строптивцам подобного закала не спускают. Ставили там людей к стенке и за непочтительную усмешку при имени Ленина или в ответ на провокаторский гимн следователя во славу Третьего Интернационала...

Александр Валентинович Амфитеатров (1862-1938) — популярный русский журналист, фельетонист, прозаик, литературный и театральный критик, драматург.

Впервые опубликовано в гельсингфорсской газете "Новая русская жизнь" в цикле "Горестные заметы" (1921. 13 сентября) с указанием в конце: "Териоки IX.7.21".

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch